

Вырезка из газеты
ЛИТЕРАТУРНАЯ ГАЗЕТА

от

17.6 ИЮН 46

Газета №

Москва

Б. РОМАШОВ

Беседа о драматургии

ИЗ ЗАПИСНОЙ КНИЖКИ

Весна 1935 года. Ветряный солнечный день.

Алексей Максимович сидит за столом у окна, поныхивая сигареткой, и глядит на меня внимательными глазами из-под нависших бровей. Впервые я вижу его так близко. В светлом сером костюме, стройный, несмотря на некоторую сутулость, Горький сразу располагает к себе застенчивой улыбкой. Неловкость пропадает. Меня поражает его лицо своей необычайной выразительностью, словно по этому лицу, строгому в раздумьи, иногда пробегают облака, и, оживляясь, оно озаряется вдруг неожиданной улыбкой, и кончики бровей уходят вверх к вискам, и усы слегка вздрагивают, и такая теплая ласковость сквозит в сморщенных чертах. Горький много курит, изредка откашливается. Его голос густой и низкий тоже меняет свою окраску, становясь то теплее, то суше...

Из окон льется яркий прозрачный свет. Алексей Максимович откладывает мундштук. Синеватая струйка дыма растекается в воздухе. Слегка наклонившись над столом, потирая руки, Горький спрашивает, давно ли я работаю, где учился, из какой семьи. Узнав, что я был актером и мои детские годы связаны с театром, так как и родители мои были актерами, Алексей Максимович заинтересовался, какие роли я играл...

— А это немаловажно для драматурга, — говорит он, улыбаясь — весьма существенно...

Говорим о тесной связи нашей драматургии с театральным производством. Эту связь Алексей Максимович расценивает как положительное явление.

— Но это имеет и свои слабые стороны, — говорит Горький, — режиссеры часто трактуют вещь по-своему, не считаясь с автором. И это нехорошо...

— Актер не всегда понимает новый образ, и часто играет не то, что в нем выражено, а нечто к этому подходящее, из своего старого репертуара...

— Совершенно правильное замечание. Часто актеры не видят жизни. Слишком полагаются на свое искусство. Мне самому приходилось наблюдать, как актер играет одно, а жест у него неподходящий. Не такой, как надобно. Разумеется, не все, есть очень талантливые актеры... Они быстро схватывают самое существенное...

Я прошу его поделиться со мной мыслями о том, как надо работать драматургу.

Горький снова закуривает. Откинувшись на стул и приподнимая брови, он говорит сначала медленно, вполголоса...

— Драматургия — самый трудный жанр. Наш брат прозаик может заставить героя смотреться в зеркало или там думать о чем-нибудь. Драматургу все приходится выражать через делание, через поступки. А техника еще у нас слабовата. Мне много пьес приходится читать... Неплохо пишут, но не то... Неглубоко берут. Писать надо густо. У нас мало техникой занимаются... Очень мало... Возьмите какую-нибудь старую пьесу, у французоз хотя бы. Помню такую... «Граф де Ризор» Сарду. В сущности неглубокая вещь, но по конструкции сделана ловко. У французоз техника большая. Как у них все здорово! И пусто внутри. Сейчас им вообще нечего предъявить... Надо глубже смотреть. Больше изучать людей. К характерам присматриваться. Ведь это же основное... А что такое характер?, говорит Алексей Максимович и делает энергичное движение, сжимая правую руку в кулак и потрясая ею в воздухе: это, говорит, человек с характером, — значит, силу имеет... В нашей драматургии характеров мало... Все очень поверхностно... И критика мало помогает... А что говорить о критике?.. Вот у меня тут письма есть, одна доярка пишет о том, какое сходство между Григом и Шопеном... Простая доярка. А как умно... Некоторым критикам не вредно было бы прочитать... Да... Главное, разумеется, видеть жизнь... К мелочам присматриваться... Иногда в мелочах многое просвечивает... Тут как-то у волейбольной площадки стояли старики со старушкой и наблюдали игру. Постояли, а потом он ей и говорит: да, говорит, а вот мы с тобой прожили и не играли...

И, добродушно усмехаясь, Горький кашляет, а затем продолжает, помолчав:

— Новый человек пошел... И этого человека надо брать глубоко. В сущности, старого еще много в нем сидит, но как это сходит — показать. Какие конфликты происходят между новым поведением и старой моралью... А как меняются люди! Вот мне рассказывали, как один вор в прошлом, «почтенный вор», попал на работу на золотые прииски... Приходит он к начальнику и заявляет: «Увезите меня отсюда, не могу я здесь работать... Тут вокруг золото под ногами, как мусор валяется, а я из-за него столько мук претерпел. Уничтожить его надо»... Вот оно как... Много я писем получаю. Ездить приходится мало. Не могу. Здоровье не то... Надо понять одно: проклятая, нас-сквозь пропитанная невежеством, грубостью, дикая страна становится совершенно иной, иной уже стала... А писатель часто возится с интеллигентом, который с советской властью то соглашается, то не соглашается. То подойдет, то отойдет на полвершка... Смешно это, товарищи литераторы!.. Дерзости мысли у

нас мало. Возьмите нашу науку, какие гигантские успехи она сделала. Взять хотя бы Институт экспериментальной медицины. Скоро выйдет книга, которая перевернет все вверх тормашками. Молодые ученые наши, Сперанский и другие, дерзают. А драматурги нет... И еще мало у вас коллективности. Опыт коллективной работы — «История фабрик и заводов» — дает неплохие результаты... Я за него стою. Люди учатся работать по-новому. А у вас коллективности совсем мало. Вразброд как-то живете... Мало учитесь...

— А у кого из драматургов следует учиться?

— У Шекспира. У Мольера.

— Трудно у Шекспира.

— Зато все очень правдиво и жизненно у него. Какой-нибудь слуга, ведь это же что за прелесть! И очень большая работа... И не надо типизировать... Образ надо преувеличивать. Обязательно. Возьмите Дон-Кихота или Тартюфа...

— Вы, наверно, знали вашего Аргамонова?

— Несколько людей в нем. Такого в точности я мог и не знать, а многих знал... Помню еще был один городской голова в Нижнем.. Безобразник, буян...

— Вы его вывели в «Достигаеве»?

— Но там он не такой вышел. Это большая была фигура. Вся старая Россия в нем. Такого изобразить — и какая страшная картина получится... Необходимо типизировать... И еще завтрашний день надо видеть. То, что сегодня — будущее, завтра — уже насущное. Показать, куда все идет... У нас много даровитых драматургов, но вяло пишут...

Мы говорим о языке. Алексей Максимович подчеркивает необходимость изучения народного языка, фольклора...

— Богатство языка происходит от знания того, как народ думает. Язык надо изучать. Но выдумывать языка не следует. Живопись больше, разнообразия, красок... И не злоупотреблять разговорной речью...

О своих пьесах Горький говорить не любит, словно не придает им того значения, которое они имеют. «Булгачев», правда, написан неплохо. Алексей Максимович знал в Нижнем не одного такого. А вот «На дне», по мнению Горького, слабая пьеса, «движения в ней никакого, и образ Луки нехорош»... Вообще о своей драматургии он говорить недолюбливает. Начинает усиленно покашливать, сердито сдвигает брови.

— Что обо мне говорить? Драматург я неважный...

К Ибсену Алексей Максимович относится с большим уважением, но учиться у него не рекомендует.

— Знать его, разумеется, необходимо, но учиться, по-моему, у него не надо. У него все очень правильно, но он запутать может... Что надобно, по-моему, нашим драматургам?.. Больше жизненного материала. Поехать «в люди» и набраться... А то уж очень поверхностно, иногда до того наивно... Но учить в пьесах не надо. В пьесе все должно выражаться через делание. Учить зрителя не следует. Он сам выведет, что ему полезно. Я сам учу в своих статьях, прибавляет Алексей Максимович, поглаживая усы: но этого не надо делать. На меня сердятся, но мне уже за 65, оттого может быть...

Беседа переходит к необходимости изучения писателем различных наук, философии.

— Литератору знать нужно много. Очень много... Особенно сейчас... Умозрительная философия обаятельна, но страшная вещь. Раньше это Шопенгауэр, или сейчас это Джинс. Все обращают внутрь. Религия всегда унижала человека, а тут его совсем лишают зрения, внешнего мира, воли... Страшная штука.

Мы говорим о жанрах. Горький особенно горячо отзывался на мысль о создании новой комедии.

— Тут особый дар нужен, говорит он, смеясь. Хорошей комедии никогда в сущности не было в России. Фонвизин. Гоголь, Сухово-Кобылин. И обчелся. Очень трудная, но благодарная вещь. И сейчас многое высмеять не худо бы: то старое и гнилое, что мешает расти новому... Разве человека нет, что говорит одно, а думает другое... Много еще таких... Хорошая комедия прямо необходима. И как народ любит комедию... Юмор в крови у него... Мне кажется, добавляет Алексей Максимович, подумав, что у нас как-то мало уважают ремесло драматурга. Надо поднять уважение к этому трудному ремеслу. Разумеется, и драматурги повинны в этом и критика... Вот давайте соберемся как-нибудь за чаем, в тесной компании, и все эти вопросы обсудим: и о коллективной работе, и о жанрах, и о театре, и о критике. Напишем такую статью в газету и подпишемся. Ведь такая чудесная жизнь у нас, и театр в общем превосходный, и драматургия должна быть первоклассная... И будет, можно с уверенностью сказать. Не может не быть... Дерзайте больше, товарищи драматурги...

Я ухожу взволнованный, и в моих ушах еще долго звучит глуховатый низкий голос...